

ПУТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ “ИСТОРИЙ ЖИЗНИ”*

© 2001 г. О. И. Маховская*, М. Бургос**

*Канд. психол. наук, Институт психологии РАН, Россия

**Исследователь, Школа высших гуманитарных исследований, Франция

Проведена оперативная этнографическая экспертиза российской диаспоры во Франции. Предмет анализа – практики и приемы воспитания российских детей в эмиграции, а также производимые ими психологические эффекты. Российский психолог и французский социолог вырабатывают язык сравнения французской (западно-европейской) и российской (советской) практик социализации детей. Изначально стратегия интеграции рассматривается как наиболее продуктивная и психологически целесообразная стратегия аккультурации. Основной метод сбора и анализа данных – “истории жизни”. Границы и критерии анализа данных выстраиваются с учетом современных концептов из кросс-культурной и социальной психологии.

Ключевые слова: оперативная этнография, кросс-культурная психология, метод “истории жизни”, аккультурация, стратегия интеграции, трансляция коллективного опыта.

Положение детей в российских диаспорах остается проблемой нарастающей важности в условиях усиливающихся миграционных процессов, в которые в полной мере включена теперь и Россия. В настоящее время около 100 млн. разных категорий мигрантов со всего мира проживают вне пределов стран своего происхождения. По оценкам управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, только в результате распада СССР за границей оказалось около 25 млн. русских [10]. Современная российская миграционная политика приближается к французской: мигранты, особенно будущее их поколение, рассматриваются как стратегический (демографический, политический, социальный, культурный) потенциал страны. В связи с этим результаты нашего исследования приобретают и научно-практический смысл.

Детей российских эмигрантов, выехавших в развитые страны, и детей российских беженцев, хотя внешне они представляют различные по уровню своего благополучия группы, объединяет “советское прошлое” окружающих их взрослых людей, прежде всего, родителей. Несмотря на все большую индивидуализацию жизни человека на Западе и в самой России, те и другие по привычке опираются на опыт советской, коллективистской

по сути, системы воспитания. Отсюда сложности в процессе адаптации этих групп детей.

В литературе тема адаптации российских детей и подростков представлена только отдельными работами в России [3, 8, 33] и за рубежом [16, 28]. Попытка сравнительного анализа методов и техник советской и западной (американской) систем воспитания предпринята в ставшей классической работе У. Бронфенбреннера “Два мира детства. США и СССР” [17]. Он подчеркивал коллективистский характер образования в рамках советской системы, центральную роль матери в воспитании детей в семье, развитое чувство зависимости между детьми и взрослыми, строгую дисциплинированность поведения детей в группе, их покорность и послушание, аскетизм и скромность – черты “примерных мальчиков и девочек”. При этом функции воспитания детей – коллективно-распределенные. Бронфенбреннер высоко оценивал советскую систему воспитания, отмечая, что она приводит к меньшему количеству правонарушений и уровню дезадаптации детей и подростков, чем американская система.

Данные исследований и свидетельства наблюдателей, изучающих психологический аспект проблемы эмиграции указывают на то, что русскоговорящие переселенцы из бывшего Советского Союза очень привязаны к отечественной культуре, гордятся достижениями бывшего СССР. Они менее удовлетворены культурой принимающей страны и отношениями между людьми [25]. Нежелание родителей отказываться от прошлого, их настойчивое стремление передать детям лю-

*Статья написана в рамках проекта “Пути социализации детей российских эмигрантов во Франции”, поддерживаемым французским фондом “Дом наук о человеке”. Цель данного исследования – провести этнографическую экспертизу практик и методов воспитания и образования детей российских эмигрантов во Франции.

бовь к своей культуре и родному языку вызывает неприятие у младшего поколения, приводит к разрыву в аккультурации¹ между детьми и родителями [19, 37, 42, 43].

У российской эмиграции во Франции хорошая репутация – она считается высокообразованной, одаренной и беспроблемной. Такую репутацию поддерживают сами эмигранты, настаивая на высокой культурной миссии, которую несут русские в изгнании, даже если это связано с определенными психологическими издержками. В то же время, несмотря на большое количество русскоязычных мемуаров и свидетельств тяжелой, порой трагической жизни вдали от родины, до сих пор не предпринимались попытки психологического анализа феноменов российской эмиграции ни французскими, ни российскими исследователями. Российская диаспора никогда не заявляла о своих проблемах вовне, являясь самой терпеливой, молчаливой и достойной за всю историю Франции.

Гипотеза и методология исследования. *Гипотеза* нашего исследования состояла в том, что успех социализации и аккультурации детей в эмиграции во многом определяется методами и техниками воспитания, которые используются в семье или школе. За разнообразными феноменами и фактами жизни российских эмигрантов во Франции скрываются различные практики воспитания и связанные с ними стратегии аккультурации детей, сознательно или интуитивно выбираемые родителями.

В эмиграции социализация (включение ребенка в мир взрослых) сопровождается процессами аккультурации (вживание в новое культурное пространство). Основные критерии успешности социализации и аккультурации совпадают. Это – позитивная самоидентичность и выраженная толерантность по отношению к своему окружению (более сложному в случае аккультурации), за которыми стоит уверенная в себе, самосозидающая личность с адекватным социальным признанием и поддержкой [24].

Самой большой трудностью в анализе историй жизни и интерпретаций является почти полное отсутствие теорий, описывающих закономерности поведения и особенности ментальности граждан из советской и пост-советской России. Большинство работ, посвященных российской ментальности или национальному характеру, затрагивают философские, социологические, теологические аспекты, касаются уже готовых продуктов социальных практик; в целом они трудно сопоставимы с результатами современных исследователей.

¹ Под аккультурацией понимается процесс вхождения в культуру страны въезда, сопровождающийся психологической адаптацией человека к новому для него окружению. Термин введен канадским кросс-культурным психологом Дж. Берри [13].

В психологии понятие национального характера (типичного в культуре) исторически было связано с категорией базовой (модальной) личности и строилось на этнографических описаниях. Ставила проблема влияния практик воспитания, институтов социализации детей на тип формирующейся личности². За рубежом интерес к данной проблематике возродился под влиянием французского социолога П. Бурдьё: предметом анализа стала категория “практика”, известная ранее по ортодоксальному марксизму. Бурдьё ввел понятие “habitus” – скрытые диспозиции, структурированные, но неочевидные культурные знания, включающие комплекс представлений человека о себе и других. Habitus оказывается более действенным по сравнению со знаниями, получаемыми в формальном обучении и образовании. Эти диспозиции усваиваются в процессе человеческого опыта, а его границы задаются конкретными социальными и историческими условиями. “Habitus” содержит богатую возможность “производства” мыслей, образов, выражений и действий. Эта концепция позволяет избежать редукционистского подхода к культурным практикам или как процессу механического воспроизводства уже существующих культурных форм, или как к результату произвольной активности автономного субъекта, свободного от социальных и культурных ограничений. Она нацелена на поиск новых теорий и практик обучения [18].

Проблема выбора культурных орудий, поднятая в свое время Л.С. Выготским, вытесняется проблемой личной инициативы в производстве новых культурных форм поведения самими участниками событий на базе неартикулированного неочевидного культурного опыта. По нашему мнению, такой подход созвучен проблеме активности субъекта в работах С.Л. Рубинштейна и его учеников [1, 5]. Вопрос о соотношении личностных вкладов и культурных детерминант поднимается в статьях, посвященных известной проблеме “культура и личность” [30, 46]. Еще одна дискуссия представляется в этой связи особо продуктивной: о роли культурно заданных сценариев в формировании и развитии эмоциональной, наиболее субъективной и драматичной стороны человеческой биографии [34, 38]. Выявить неочевидные, латентные и действенные формы поведения и переживания – задача глубокого качественного анализа.

Вопрос о методологии качественных исследований, наиболее представленных в современной этнографии и социологии, стал предметом острых дискуссий относительно недавно. Чаще всего собранные данные отличаются эклектикой в описаниях и релятивизмом в анализе, исходят из фрагментарности, разорванности, эпизодичности

² Обзор истории исследований хорошо представлен в [11, 47].

происходящих в мире событий. Существенное влияние на формирование методологии оказали постмодернистские теории, прежде всего, Ж. Деррида и М. Фуко. Человек рассматривается ими как элемент описания устойчивого фрагмента реальности, его поведение – как зависимое от сложившихся обстоятельств [20].

Однако в случае изменяющейся реальности, фокус внимания исследователей переносится на самих участников событий, их инициативу и активность. Наиболее интересные работы и концепты сейчас вырастают из опыта анализа обыденной жизни и психотерапии с представителями традиционных культур, выходцами из Африки [36]. Усиление общения и циркуляции между континентами приводят к разрушению привычных социальных контекстов проживания людей, сформированных иногда в радикально противоположных обществах [11]. Психологов волнуют культурно-заданные сценарии, мотивы и паттерны поведения, которые ограничивают успешную реализацию отдельных людей в изменяющейся жизни.

В качестве принципа, увеличивающего валидность этнографических данных, мы называем принцип многократной контекстуализации: вероятность и правдивость событий зависит от того, во сколько устойчивых смысловых систем отсчета “вписывается” событие, учитывая полифонию “точек зрения” [2] его реальных и потенциальных участников. В любом случае, исследователю предстоит выбирать и двигаться в сложной, многомерной системе координат.

В своем исследовании мы опирались на следующие различия и концепты современной кросс-культурной и социальной психологии:

1. Различие традиционной, коллективистской и западной, индивидуалистской культур. Культура советского периода, безусловно, относится к первым, ее представители, даже выехав из страны, продолжают оставаться носителями соответствующих норм и установок.

2. Согласно Дж. Берри [13], существует четыре формально возможные стратегии аккультурации эмигрантов, не зависящие от национальных менталитетов. Они связаны с переопределением позиции человека по отношению к старой и новой культурам, своему (в нашем случае, российскому) или чужому (в нашем случае, французскому) окружению: *ассимиляция* (отказ от своего прошлого культурного опыта, принципиальная ориентация на культуру страны въезда), *сепаратизм* (сохранение своих норм и ценностей как более превосходных по отношению к культуре страны въезда), *интеграция* (желание совместить в своем поведении преимущества своей культуры и культуры страны въезда), *маргинализация* (отказ как от одной, так и от другой культуры).

3. Стратегия интеграции является более продуктивной и перспективной, органичной с точки зрения преемственности и развития человеческого опыта; она сопровождается меньшими личностными потерями. И, как любая жизненная стратегия, не является результатом простого суммирования опыта двух культурных групп, а во многом формируется в результате индивидуального поиска самого человека, благодаря его активности и инициативе [1].

4. Стратегии аккультурации реализуются в рамках известных по опыту человеку культурных сценариев и связанных с ними “амплуа” [9, 34]. Основными реализаторами сценариев являются взрослые, которые принимают на себя ответственность за воспитание и образование детей, типичные отношения между ними, за нормы, ценности, цели, которые они явно или неявно постулируют.

5. С точки зрения психолога, работающего с опорой на качественный анализ психологических феноменов, важным оказывается не статистическая представленность той или иной стратегии аккультурации в диаспоре, а поиск уникальных жизнеописаний, открывающих новую перспективу в развитии ментальности и реализации всей группы, общества в целом. Они продуцируются так называемым “активным меньшинством” [32, 35].

Эти положения задают “каркас” и критерии оценок траектории движения эмигрантов семьи с учетом психологических последствий родительских выборов. Коллективистская культура составляет начальную точку движения, четыре стратегии – возможные его варианты, интегративная тенденция маркирует наиболее продуктивный путь движения в эмиграции. Две культуры – французская (западная, индивидуалистская) и российская (советская, коллективистская) предлагают субъекту типологически разные арсеналы форм и методов воспитания детей. Мы попытались совместно описать и по возможности типологизировать практики воспитания российских детей в эмиграции, введя критерии оценок, вырабатанные в современной кросс-культурной и социальной психологии. Работа социолога и психолога совпадает на этапе сбора данных³, но при их интерпретации каждый выбирает свою логику анализа.

МЕТОДИКА

“Истории жизни” – один из основных методов работы в области исследований, которая формируется в разных сферах человеческой деятельности как отклик на острую необходимость выявить быстрые изменения в спонтанно протекающих социальных процессах с долгосрочными последствиями. Речь идет об *оперативной этнографии*. В отличие от классического этнографа, описывающего и анализирующего

³Техники сбора “историй жизни” приведены, например, в [12].

го новые культурные ареалы, оперативный этнограф должен провести исследование и экспертизу самими экономными средствами и в сжатые сроки.

“Истории жизни” (“life stories”, “recits de vie”) можно рассматривать не как частный метод, а как формирующийся междисциплинарный подход, позволяющий сделать объектом исследования и обсуждения “жизненный поток” отдельного человека в конкретных социо-культурных условиях. По степени богатства и контекстуализации данных “истории жизни” относятся к качественным методам высочайшего класса [20]. Известна их психотерапевтическая роль: рассказ о себе – хороший способ получения социальных кредитов, возможности переоценить резервы своей личности и ситуации, произвести реконструкцию и поиск своего “Я” [6]. В условиях прерывности эмигрантского опыта этот способ позволяет детям и самим родителям прояснить или переосмыслить взаимоотношения в семье, их перспективы [22].

В нашем исследовании центральным моментом был рассказ об опыте эмиграции своей семьи. Вопросы направляли рассказ таким образом, чтобы можно было получить ответы по основным аспектам исследования: как влияет опыт образования родителей на практики воспитания детей; какие из учебных или воспитательных учреждений наиболее популярны в эмиграции и почему; каким родитель видит будущее своего ребенка; что считает самым главным в воспитании; чем отличается французская система воспитания от российской; каковы наиболее сложные стороны и, напротив, преимущества воспитания российского ребенка за рубежом.

Основная сложность сбора данных – установление контактов с эмигрантами: психолог – пока новая фигура не только для родителей, но и для образовательных и воспитательных институтов. Не сложилась практика общения православного священника, работающего во Франции, и психолога из современной России. Первый из них представляет коллективистские ценности, второй – тенденцию к нарастающей индивидуализации, право личности на независимое от группы поведение и принятие решений.

Однако преимущество “историй жизни” при работе в российских диаспорах состоит в том, что они близки к доверительной дружеской беседе “на кухне”, понятной соотечественникам.

Было проведено более ста интервью с воспитателями, директорами школ, священниками, родителями, представителями в основном третьей (“диссидентской”) и четвертой (“экономической”) волн российской эмиграции во Франции – с опорой на предлагаемые техники интервью, которые мы брали и у школьников разных возрастов, ориентируясь главным образом на старших подростков, находящихся на этапе становления идентичности и эмансипации от своих родителей, проявили особый интерес к исследованию. Встречи проходили в православных приходах Парижа, на площадках возле школ, которые посещали родители, в самих школах, после детских праздников, дома у эмигрантов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

I. Собранные данные позволили провести инвентаризацию институтов социализации. Преподавание на русском языке реально ведется в трех школах – двух церковно-приходских и школе при посольстве России. За последние годы основной состав учеников “перетекает” в школу при посольстве, которая была открыта в 1998 г. В 1999 г. из-за отсутствия учеников была закрыта воскресная школа при Церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Наиболее посещаемая и действительно необходима для русских по происхождению детей является церковно-приходская школа

при Церкви Трех Святых. При ней же существует лагерь в Нормандии, поддерживаемый, как и сама школа, Московским патриархатом. Занятия в школе при посольстве России ведутся по средам, где дети в заочной форме могут освоить программу средней школы, соответствующую программе школы в Москве. Такая форма обучения весьма напряжена, поскольку ребенку приходится осваивать программу французской и российской школ одновременно. По мнению родителей, уровень и систематичность преподавания гораздо выше именно в этой школе. Кроме того, в российской школе дети получают навыки коллективного решения учебных задач, которые родители относят к безусловным преимуществам советской системы образования. “В наших школах давали систематические знания по основным предметам, учили навыкам коллективистского поведения, работе в команде”. “Для нас, кто уже довольно редко попадает в нормальную языковую среду, эта школа – единственная возможность сохранить язык на уровне его реального владения, понимания, а не на бытовом уровне” (из интервью).

Существуют и привлекают до сих пор незначительную часть молодежи кружки, клубы, движения типа “Витязь”, “Сокол”, “Русские скауты во Франции”. Однако общение среди подростков происходит в основном на французском языке, который более удобен и понятен для детей. Наиболее активным оказывается движение скаутов, которое, как известно вернулось в Россию (его организации существуют в крупных городах – Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Самаре и др.), было поддержано М. Горбачевым и оказалось единственной молодежной организацией, противостоящей национал-патриотическим военнизированным бригадам. Однако в самой Франции религиозные и патриотические движения, наряду с православными приходами, выполняют скорее функцию поддержания российской групповой идентичности, они не определяют формирование у молодежи социальных навыков. Многие дети, участвующие в ритуальных праздниках эмиграции (Рождество, Масленица, Пасха), с уверенностью говорят, что они – французы, но православного исповедания – как их родители. В Париже мы познакомились с двумя семьями, в которых русские мамы, но французские отцы, принявшие православие, и ставшие активными прихожанами.

В последние годы во Франции открылись сотни культурных ассоциаций. Их деятельность носит в основном коммерческий характер. Из 524 организаций такого рода ни одна не выдвинула в качестве своей цели психологическую помощь семьям эмигрантов. Их можно считать поэтому несущественными и психологически незначимыми институтами социализации.

Таблица 1. Различия советской и французской (западной) систем воспитания, мешающие активному включению российских детей во французское общество

Нормы и ценности воспитания		Психологические эффекты воспитания	
Советская система	Западная система	Советская система	Западная система
Не говорить с детьми о семейных проблемах	Регулярно обсуждать с детьми семейные дела	Равнодушие и неприятие семейных отношений	Вовлеченность в дела семьи и интерес к ним
Демонстрация образцов поведения на примерах передовиков, писателей, героев	Обучение навыкам социального поведения и общения	Дети знают, на какой результат они обязаны ориентироваться	Дети знают, как может быть достигнут тот или иной результат
Любое отклонение от норм поведения рассматривается как недопустимое и подлежащее наказанию	Ребенок в своем развитии должен попробовать разные вещи, чтобы обрести свой собственный путь	Высокая самодисциплина	Высокая личная ответственность
		Узкий круг интересов	Широкий кругозор
		Сильная концентрация на цели	Овладение различными навыками (операциями)
		Дети живут в постоянном страхе быть вовлеченным в антисоциальное поведение	Чувство свободы и независимости
Поощрять коллективистское поведение	Поощрять индивидуальные достижения	Индивид стремится выразить интересы группы	Индивид стремится достичь максимально высоких для себя результатов и реализовать свои способности
Тотальность и преувеличения в оценках людей и поступков	Множественность и гибкость оценок	Психопатическое поведение	Гибкость поведения
Обучение – это тяжелая работа	Обучение – это увлекательное путешествие	Обучение мотивируется извне	Обучение мотивируется индивидуальным интересом

II. Родители отслеживают разницу в воспитательных подходах, но оценивают ее по-разному. Об этом свидетельствуют и данные интервью.

Интервью 1: “Французский ребенок постоянно находится под присмотром взрослых – мамы, няни, отца. Вы их никогда не увидите на улице. Если на улице гуляют дети без взрослых – это скорее русские. Детей сопровождают по дороге в школу, из школы, на другие занятия. У них нет таких кружков, как у нас, да еще бесплатных. Здесь вообще трудно найти хорошего преподавателя. Большинство занятий проводится для проформы, лишь бы дети были чем-то заняты”.

Интервью 2: “Я ни за что не поведу ребенка в русскую школу – там такое убожество. Разит “совком”. Мой мальчик участвует во всех школьных мероприятиях во французской школе, на каникулах они будут играть Мольера. Я рада. Я всегда спокойна, когда он в школе. По-моему, он получает блестящее образование, широкий кругозор.”

Интервью 3: “Меня смущает то, что мои дети хорошо учатся, но очень скромно держатся во французской школе. Первое время это было большой проблемой, и мы думали уже переводить младшего ребенка в школу при посольстве. Он все отдавал французам, не мог себя вести так раскрепощенно, как они. Они же там на головах ходят с утра до вечера. У нас же – дисциплина.”

Если сравнивать результаты двух систем воспитания, то первая из них дает на выходе хорошо тренированный, дисциплинированный интеллект⁴, но зависимую от групповых норм лич-

ность⁵; вторая – независимую личность, но более низкие в формальном отношении показатели познавательного развития при оценке их с точки зрения суровой и жесткой критериальности привычной для нас системы воспитания⁶ (функция воспитания и образования в рамках советской системы были совмещены). Российские по происхождению дети хорошо учатся в школе, но отличаются низкой самооценкой, подчиняемостью, неумением за себя постоять. Они пребывают в дезориентации, когда возникает необходимость в самостоятельной постановке и решении задач.

III. В контексте анализа историй жизни людей важны более долгосрочные последствия воспитания детей. Российская эмиграция, не представляя особой угрозы французскому культурному ландшафту подростковыми правонарушениями, известна громкими случаями суицидов и преступлений, совершаемыми бывшими российскими гражданами уже в пору зрелости, в возрасте тридцати лет.

Драматургический нерв жизни российского по происхождению ребенка в эмиграции состоит в

⁵ Коллективизм французами рассматривается как конформизм и оценивается отрицательно. Они используют другую характеристику в отношении поведения личности, защищающей ясные, принимаемые на определенный период членами временной группы цели – солидарность (solidarité).

⁶ Вслед за Ф.М. Достоевским мы можем сказать, что русский человек вынужден жить в состоянии постоянного надрыва, крайнего напряжения в условиях недостижимых целей и идеалов. Практика воспитания детей, задаваемая высокими, практически недостижимыми и не принадлежащими человеку результатами, имеет свои истоки в православии.

⁴ Это служит поводом говорить о российских детях как о высокоодаренных. Они послушны в школе и, как правило, хорошо учатся.

Таблица 2. Стратегии аккультурации и схемы, которые выбирают родители для образования своих детей

Стратегии аккультурации	Русское окружение	Французское окружение	Школы для детей
Ассимиляция	–	+	Французская школа
Сепаратизм	+	–	Школа при посольстве или православная школа
Интеграция	+	+	Школа при посольстве и французская школа
Маргинализация	–	–	–

том, что он растет в условиях замалчивания обстоятельств, в котором находится он и его семья. Это связано не столько с тем, что родители часто и сами не в состоянии оценить свои силы, возможности и перспективы, но и с тем, что замалчивание, разного типа уловки и отвлечения детей от неувязок в жизни близких им людей составляют норму воспитания в советский и пост-советский периоды. Эта практика кажется опасной именно в условиях эмиграции, когда дети лишены возможности понимания, что происходит с ними и их родителями.

Стратегии аккультурации и схемы образования, выбираемые родителями. В условиях интервью и разговора об истории жизни несложно выяснить, какой стратегии аккультурации придерживается рассказчик. Родители – сторонники ассимиляции – говорят о том, что хотели бы забыть прошлое как страшный сон, избегают общения с соотечественниками, ограждают своих детей от общения с русскими детьми (как сказала одна мать, “Я счастлива от того, что мой ребенок, просыпаясь по ночам, зовет меня по-французски”). По нашим данным, большинство (около 70%) русских эмигрантов пытаются адаптироваться во французском обществе по типу ассимиляции. Их трудно привлечь к интервью, поскольку это, как правило, самодостаточные и избирательные в контактах люди, привыкшие полагаться на свои силы, отвечать за свои поступки сами, не прибегая к помощи психолога, тем более страны, из которой они так стремились уехать.

Интегративно настроенные родители, напротив, активно ищут контактов с российским психологом, понимая, что при такой резкой перемене, как эмиграция, в воспитании детей лучше полагаться на мнение специалиста: “Лучше предупредить возникновение проблем, на которые обречены эмигранты”. Основная их позиция, отчетливо прочитывается в следующем высказывании: “Российское прошлое наших детей – это их капитал, который дорогого стоит и должен усилить их позиции во французском обществе”.

Маргиналов можно найти среди одиноких и бездетных интеллектуалов, чья позиция в принципе является антиобщественной (“Общество по своей природе направлено на подавление личности”). Что касается стратегии сепаратизма, то сравнение данных, полученных из библиографиче-

ских источников, анализа эмигрантской литературы и интервью показывает: от первой к четвертой волне эмиграции произошла резкая ее переориентация на ассимиляцию. То есть если первые эмигранты “стояли за все русское”, гордились своим происхождением, то представители последней, четвертой волны, хотели бы забыть прошлое, избегают общения со своими соотечественниками.

Интегративная позиция родителя обеспечивает большее количество отношений поддержки ребенка со стороны взрослых. Как правило, биографии интегративно настроенных родителей предстают как более подробные, невероятные и увлекательные [6]. Хотя их насчитывается не более 15%, но именно они являются источником новых взглядов и необычных решений.

Культурные типы – как средства передачи коллективного опыта. При рассмотрении устойчивых, ригидных элементов практик воспитания детей эмигрантов нужно обратить особое внимание на те типы характера, поведения, которые с завидной устойчивостью воспроизводятся в новых условиях и могут мешать адаптивному поведению.

Центральную роль в воспитании российских детей выполняет мать. Ей принадлежит преимущественное право на принятие связанных с воспитанием детей решений. В историях жизни легко узнаются типы женщин, с которыми связаны и приведенные выше стратегии воспитания детей за рубежом: стратегии на сепарацию, ассимиляцию и интеграцию.

Тип “несчастной женщины” (зависимой от обстоятельств, инфантильной) изолирует ребенка от всего нового и интересного. В условиях эмиграции “несчастливая женщина” получает “красивейшее” оправдание своему пессимизму: “Я пожертвовала собой ради ребенка, я вывезла его из ужасной страны”. Дома, у себя на родине, такая мать говорит: “Я его кормлю-пою, несмотря на то, что жизнь невыносимо трудна”. Тип “несчастной женщины”, женщины-жертвы, культивировался и поддерживался и в классической русской литературе, и в рамках православной традиции. В каком-то смысле быть несчастной стало высоко нравственным и достойным. Как ни странно, именно мать может оказаться персонажем, обес-

печивающим снижение шансов ребенка на успешное будущее, сообщая ему импульс пессимизма и неуверенности в себе.

Второй тип – это эмансипированная женщина-интеллектуалка, которая нацелена на высокие социальные позиции, очень категорична в своих оценках и в поведении. В эмиграции такие женщины с порога отменяют саму возможность общения детей с “совками”, людьми из прошлого. Негативное последствие такой изоляции – лишение ребенка психологической поддержки со стороны окружающих, а также снижение его личной инициативности, поскольку все выстраивается по указанию и усмотрению мамы. Эриксон [24] указывал на то, что в структуре женского образа есть две стороны, одна из которых задается общением с мужчиной (в нашем случае – эмансипированное поведение), другая – с ребенком (инфантильное поведение несчастной женщины). Похоже, что в условиях резких перемен баланс этих двух сторон нарушается, и конфликт принимает внешнюю форму. Женщины разных типов в эмиграции не любят друг друга, между ними нет дружбы. Так ограничивается круг общения детей с соотечественниками.

Третий тип – женщины, в рассказах которых можно найти много оригинального, попытки поиска компромиссов, удачных синтезов между французской и российской практиками воспитания. Они инициативны и готовы к сотрудничеству с любой организацией, которая заявляет о своей готовности помогать их детям. Эти женщины приняли самое активное участие в открытии первой школы для российских интеллектуалов со всего мира под Москвой, которая состоялась в июле 2000 года при поддержке Фонда педагогических инноваций “Пушкинский институт”. Интегративно настроенные женщины ищут выхода за пределы устойчивых культурных предписаний, беря на себя ответственность за своих детей.

Негативные психологические последствия эмиграции для детей. Наши наблюдения и общение с детьми указывают на тяжелые психологические последствия, которыми чревато неадекватное поведение родителей. Эмиграция – это как раз тот случай, когда многие нарушения или тяжелые состояния как бы культивируются, заданы с объективной неизбежностью, “нормальны” в данных условиях.

К последствиям разрыва с родными, потери существенных для человека связей, относится тяжелое состояние *депрессии* (*ностальгии, деморализации*). Наши данные показывают, что у детей, родители которых настроены конструктивно и сразу по приезде начинают активно выстраивать отношения с окружением, депрессия, тоска по дому проявляется не так ярко, переломный момент наступает уже к четвертому месяцу. У самих

взрослых все процессы протекают тяжелее и дольше. “Обострение” депрессии возникает на третьем году проживания в эмиграции, когда “все потеряли интерес к тебе, никто не помогает, а сам ты еще не встал на ноги”. Как известно, депрессия сопровождается потерей интереса к жизни, нежеланием и невозможностью справляться с простыми операциями.

Женщины сильнее реагируют на потерю глубоких эмоциональных контактов и разрывы с близкими. В период обострения своих состояний они жалуются, что дети им в тягость. Ребенок может “выпасть” из зоны внимания матери. Внешне дети матерей, которые с трудом адаптируются, напоминают сирот и беспризорников (с настороженностью в глазах, большой дистанцией в общении, отсутствием интереса к происходящему вокруг, бедной мимикой). Рядом нет окружения, которое компенсирует или хотело бы компенсировать “отсутствие” матери (как это бывало в советском варианте, когда всем есть дело до воспитания детей).

Дети из межкультурных браков попадают в ситуацию конкуренции двух моделей семьи⁷. Во французской семье основную ответственность за ребенка несет отец, он активно участвует в жизни детей, хорошо осведомлен обо всех происходящих в семье делах. В российской семье все вопросы воспитания решает мать, рассчитывая на материальное содержание семьи со стороны отца. Российские эмигрантки жалуются на то, что французские мужья мешают им воспитывать детей, слишком ревниво относятся ко всему происходящему в доме. Дети в таких семьях порой не знают, кого слушать, кто – авторитет: мама (скрытый), или отец (формальный). Они пытаются дистанцироваться от обоих, вырастая маргиналами (“я – ни русский, ни француз, а бог знает что”).

Французские папы жалуются на низкий прогресс в обсуждении взаимоотношений в семье, т.е. после предъявления претензий российские мамы продолжают с завидным упрямством “гнуть свою линию”, пытаясь тщательнее скрывать раздражающие мужа факторы. К таким требованиям относятся, например, настоятельная просьба не общаться с российскими подругами, которые нередко оказываются более влиятельными при принятии семейных решений, чем сами отцы. Российские же эмигрантки жалуются, что на Западе люди другие, “без души” (без эмоциональных контактов)⁸.

⁷ О культурно-заданных моделях семьи см. [7].

⁸ Доминирование неформальной структуры, построенной на эмоциональных контактах, над формальной, построенной на отношениях ответственности и распределения власти, мы считаем основной отличительной особенностью российской (советской и постсоветской) семьи.

Если во Франции родители не справляются с воспитанием ребенка (будь то мать или отец, которые несут равную ответственность за воспитание детей) — то это повод для интервенции государства в семью, для отнятия ребенка и передачи его органам опеки или в приемную семью.

Известны случаи, когда французский отец и российская мать, не договорившись между собой, развелись. Предметом судебных тяжб и последующего отнятия стали дети.

Случай 1. Самый громкий случай с актрисой Н.З. Дочку четырех лет отобрали у матери, констатируя педагогическую запущенность (в 4,5 года ребенок едва разговаривал). В советской и пост-советской практике разрешения судебных споров вокруг детей вопрос автоматически решается в пользу биологической матери, если только она не законченная алкоголичка и не преступница. Разница в представлениях о роли и зоне ответственности матери в семье послужила одной из причин затянувшейся судебной тяжбы и негативной реакции российской прессы на решения французского суда. В российской диаспоре к поведению матери, выбирающей публичные формы решения личных проблем, отношение сдержанно-отрицательное.

Неразрешенность вопроса с кем родитель, помноженная на принятое в советской культуре и перенесенное в другую культуру замалчивание, может привести к тому, что отношения с людьми вообще будут интуитивно восприниматься детьми как нечто враждебное, непонятное, нежелательное. Не умея общаться, не зная, чего ждать от общения, они избегают контактов (мы называем этот феномен “культивированным аутизмом”).

Случай 2. Одна из наших встреч с мальчиком была назначена в любимом детьми Макдоналдсе. Мальчишка принес с собой бумагу и карандаши, “чтобы не было скучно”. Мама — обаятельное и инфантильное создание, вечная “девочка” с печальными глазами и измученным лицом. Три года назад приехала в Париж вслед за французским другом, намного старше ее. Их объединяла любовь к театру и надежда на лучшее будущее в новом браке. Однако решено было не спешить с формальностями. Отношения, по словам мамы, ухудшились сразу по приезду. Ему нужна была девочка-подросток как компенсация предыдущего неудачного брака и отрада в жизни. Менеджер по профессии, он ориентировался на эмоциональную релаксацию; артистичная натура, он нуждался в обожании и восторгах; “сильный самец”, он требовал только потакания его прихотям. Ей же хотелось учиться на режиссера, участвовать в театральных постановках, заниматься здоровьем — своим и сына, “как все француженки”.

В новой семье ребенок стал скоро мешать, вызывать раздражение и получать оплеухи. Маме доставалось тоже: побои, оскорбления и т.п. При том, что оба “ребенка” (а как их еще назвать, беззащитных, наивных и бестолковых) были целиком на содержании у французского “папы”, а значит, в его власти. Наша встреча произошла на фоне потери работы папой и накануне так долго откладываемой свадьбы. Она еще раздумывала, нужна ли свадьба, т.е. нужно ли еще более закреплять и без того тягостные отношения зависимости от психопата?

...Мальчик, разукрашивая большую машинку, сказал сразу: “О, если они поженились, я не выдержу. Да я его убью, когда вырасту!”, потом: “Он постоянно кричит!”, и наконец: “Я хочу к бабушке, там у меня тети, дяди, двоюродные сестры. Там много людей, а тут никого нет”. “Но у тебя же есть друзья? — “Только два”. — “А сколько тебе надо?” — “Сто двадцать пять!” Последняя цифра отражала величину эмоционального голода этого хорошо одетого, уже свободно говорящего по-французски мальчика. В рисунке семьи было получено визуальное подтверждение детской арифметики: после красивого и разноцветного лимузина, на самом краю листа разместилось большое количество совершенно похожих друг на друга черных муравьев, которые находились в разных родственных отношениях с моим героем — сестры, дяди, тети. Где-то среди них была и мама. Французский папа не входил в эту замечательную коллекцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская диаспора Франции является коллективистским, во многом консервативным образованием. Во-первых, она опирается на опыт и практики воспитания и образования, которые сложились на разных этапах истории эмиграции и служили скорее поддержке религиозно-патриотических настроений в среде эмигрантов. Во-вторых, советский период породил практику делегирования родителями прав воспитания учреждениям, государству. Сами новые эмигранты не внесли каких-либо существенных изменений в существующую систему институтов воспитания. Стратегии аккультурации среди новых российских эмигрантов распределились в пользу ассимиляции, отказа от прошлого, от общения с соотечественниками. Как и другая крайность, стратегия сепарации в поведении родителей может привести к негативным психологическим последствиям: например, культивированным аутизму и депрессии.

Тем не менее, есть группа родителей, нацеленная на удачное сочетание российского и французского культурных капиталов (терминология П. Бурдьё), т.е. уровней образования, культуры отношений в семье, языков. Для них очевидна эффективность краткосрочных “возвратов” детей на родину: для сохранения близости с российскими по происхождению членами семьи, формирования у ребенка чувства преемственности и уверенности в себе (вместо эмигрантского комплекса зависимости), для возрождения языка, навыков работы в группе. Основной успех нашего проекта состоит в том, что созданы прецеденты новых отношений детей России с детьми одной из своих диаспор — с хорошей перспективой на консолидацию молодых россиян.

Этнографическая экспертиза в изучении процессов аккультурации советских и пост-советских беженцев и мигрантов позволит прогнозировать развитие новой генерации эмигрантов, а также

составить коллекцию успешных методов и тактик воспитания, которые мы надеемся использовать в образовательных и развивающих программах, готовящихся в России и рассчитанных на детей из перемещенных российских семей⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Бахтин М.М. Полифония в романах Достоевского. М., 1979.
3. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М., 2000.
4. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ // Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. С.-Пб., 1997.
5. Брушлинский А.В. Андеграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 7–12.
6. Бургос М. Истории жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. № 2.
7. Дружинин В.Н. Психология семьи. Деловая книга. Екатеринбург, 2000.
8. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
9. Марченко (Маховская) О.И. Восприятие новых коммуникативных событий в условиях опосредованного общения // Дис. канд. психол. наук. М., 1994.
10. Смирнова С.К., Алкснис В.И. Нужна ли России репатриация? // Независимая газета, 15.12.2000.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Москва: Академический проект, 1999.
12. Atkinson R. The life interview, Qualitative Research Methods Series, Thousand. Oaks–London–New Delhi, 1998.
13. Berry J. Introduction to methodology. Boston, 1980.
14. Bertaux D. Les récits de vie (perspective ethnosociologie). Natah, Paris, 1997.
15. Berne E. Beyond games and scripts. N. Y., 1977.
16. Birman D., Tyler F.B. Acculturation and adjustment of Soviet Jewish refugees in the United States // Genetic, Social and General Psychology Monographs. 1994. № 120(1). P. 101–115.
17. Bronfenbrenner U. Two Worlds of Childhood. The USA and USSR. N. Y., 1977.
18. Bourdieu P. The logic of practice. Palo Alto, 1990.
19. Buchanan R.M. Intergenerational and gender differences in acculturation: Implications for adolescent-family adjustment // Unpublished master's thesis, University of Maryland, College Park, MD., 1994.
20. Denzin N., Lincoln Y. The Landscape of Qualitative Research. Theoretical Issues. Thousand Oaks–London–New Delhi, 1998.
21. Chow R. Writing diaspora: Tactics of intervention in contemporary cultural studies. Bloomington, 1993.
22. Carré O. Contes et récit de la vie quotidienne (Pratiques en groupe interculturel). Paris, 1987.
23. Elder G.H. Life courses. N. Y., 1992.
24. Erikson E. Enfance et société. Neuchatel, Delachaux et Niestlé, 1963.
25. Flaherty J.A., Kohn R., Golbin A., Gaviria M., Birz K. Demoralization and social support in Soviet-Jewish immigrants to the United States // Comprehensive Psychiatry, 1986. № 27(2).
26. Gold S.L. Refugee communities: A comparative field study // Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992.
27. Gousseff C. Immigrés russes en France (1900–1950). Contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés. Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales // Mémoire de la thèse. Paris, 1996.
28. Jasinskaya-Lahti I., Lienkind K. Predictors of the actual degree of acculturation of Russian-speaking immigrant adolescents in Finland // International J. of Intercultural Relations. 2000. V. 24. № 4.
29. Kaufmann J.C. L'entretien compréhensif. Paris, 1996.
30. Kashima Y. Conceptions of culture and person for psychology // J. of Cross-Cultural psychology. 2000. V. 31. № 1.
31. Kreiling A. The Chicago School and community // Critical Studies in Mass-Communication. 1989. № 6(3).
32. Leenhardt J., Maj M. La force des mots. La role des intellectuels // Paris: Chemins d'aujourd'hui, 1982.
33. Makhovskaya O.I. The Modes of Socialization of Children of Russian Emigrants in France // Abstracts, The XV International Congress for Cross-Cultural psychology. Pultusk, Poland, 2000.
34. Menon U. Analyzing Emotions as Culturally Constructed Scripts // Culture & Psychology. 2000. V. 6(1).
35. Moscovici S. Psychologie des minorités actives. Paris, 1996.
36. Peltzer K. Kultur, Persönlichkeit und Psychotherapie in Afrika (Culture, personality and psychotherapy in Africa) // Ethnopsychologische Mitteilungen. 1999. V. 8. P. 77–91.
37. Ranieri N.F., Klimidis S., Rosenthal D.A. Validity of a single-item index of acculturation in Vietnamese immigrant youth // Psychological Reports. 1994. № 4. P. 735–738.
38. Ratner C. Cultural-Psychological Analysis of Emotions, Culture & Psychology // Culture and psychology (Sage Publishing). 2000. V. 6(1). P. 6–39.
39. Rosenthal G. Reconstruction of life stories: Principles of selection in generating stories for narrative biographical interviews // The narrative study of lives / Newbury Park, 1993.

⁹ По материалам нашего исследования было проведено несколько просветительских, рассчитанных на родителей и воспитателей радиопрограмм (через канал "Радио России", "Radio-France", "Радио Голос России" и публикаций в прессе ("Независимая газета", "Крестьянка", "Итоги"). В марте 2000 г. в Париже состоялся I международный круглый стол по проблемам социализации детей российских мигрантов и беженцев, где обсуждались результаты нашего проекта. II круглый стол состоялся в Москве, в апреле 2001 г. под патронажем Государственной Думы. Цель подобных акций – инициировать открытое обсуждение проблем воспитания детей в эмиграции, внести изменение в существующую, во многом устаревшую систему социализации российских детей – как у нас, так и зарубежом.

40. *Roos J.P.* From farm to office: Family, Self-Confidence and the New Middle Class, Life stories/Recits de vie. 1994. № 3.
41. *Stewart A.J., Franz C., Layton L.* The changing self: Using personal documents to study lives // Psychobiography and life narratives (Special Issues) // J. of personality. 1999. № 56(1).
42. *Szapocznik J., Rio A., Perez-Vidal A., Kurtines W.M., Hervis O., Santisteban D.* Bicultural effectiveness training: An experimental test of an intervention modality for families experiencing intergenerational/intercultural conflict // Hispanic J. of Behavioral Sciences. 1986. № 8(4). P. 303-330.
43. *Taft R.* Intergenerational changes in ethnic identity among Jews in Australia // Eds. J.W. Berry & W.J. Lonner. Applied Cross-Cultural Psychology: Selected papers from the II International Conference of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Amsterdam, 1975. P. 69-74.
44. *Thomaissin P.* Déconstruction et reconstruction de l'identité narrative au cours d'une psychothérapie // Psychologie française. 1999. December, № 4.
45. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America // N. Y., 1958.
46. *Yahoda G.* The Shifting Sands of "Culture" // Paper presented at the XV International Congress for Cross-Cultural Psychology. Pultusk, Poland, 2000.
47. *Vinsonneau G.* Culture et comportement // Armin Colin. Paris, 1997.

THE WAYS OF SOCIALIZATION OF THE RUSSIAN EMIGRÉS CHILDREN IN FRANCE THROUGH THE MIRROW OF "LIFE STORIES"

O. I. Makhovskaya*, M. Burgos**

*Cand. sci. (psychology), IP RAS

**Researcher, School of the highest humanitarian researches, France

An urgent ethnographic expertise in the Russian Diaspora in France was conducted. The subject of analysis – practices and methods of upbringing of Russian children abroad and caused psychological effects. Russian psychologist and French sociologist bring out the language of comparison of French (Western-European) and Russian (Soviet) practices of children socialization with a focus on integration strategy as most fruitful and psychologically grounded strategy of acculturation. The main method of data obtaining and analysis – "life stories". The limits and criteria of data analysis are considered given contemporary concepts from cross-cultural and social psychology.

Key words: urgent ethnography, cross-cultural psychology, "life stories" method, acculturation, integration strategy translation of collective experience.